

Ей было сказано сразу:

— Не советуем оглашать вашу историю. Читатели жалеть вас не станут, наоборот, только посмеются.

— Пусть, — кивнула она и добавила: — А публикация будет считаться документом в мою пользу?

Она, добротнo одетая и ясно глядящая, с трудом давала оценки своему поступку, с усилием воспринимала аргументы и хотела только одного — вернуть пианино.

А вернуть его никак нельзя, даже через суд. Сама отдала-продала.

Никто её не дурил, никто с ней не мошенничал. Какую назвала сумму, такую и заплатили.

Жалеть её невозможно по простой причине: не последнее продавала, не от страха перед голодной смертью. Тут не бабушка, несущая на рынок гнилую маечку, чтобы выручить за неё хотя бы сухарик, и вдруг той маечки лишившаяся.

Тут скорее вроде того анекдота из жизни новых, то есть новорусских бедных: жил-был бедный такой новый русский, всё у него было бедное: и садовник у него был бедный, и шофёр был бедный, и повар, и служитель бассейна тоже были бедные...

ПИАНИНО

Как пишут чувствительные авторши: я слушала и плакала-плакала... Пусть и сейчас проследятся: у нашей бедной героини есть сын — бедный такой генеральный директор бедной такой частной фирмы.

Шестнадцать лет назад она подарила сыну чешское пианино "Петров" (ударение на первом слоге) — вещь дорогую (1400 тогда ещё очень твёрдых советских рублей) и качественную. Приведённый ею настройщик выбрал этот инструмент из целой партии, поступившей в магазин "Мелодия".

Сын инструменту радовался — в детстве мечтал стать романтическим музыкантом, а не практичным коммерсантом. Любит пианино до сих пор: всего месяц назад, заглянув к маме (он теперь живёт отдельно), сыграл ей что-то ностальгическое. Отношения у них, по её словам, всегда были хорошие.

Хорошие-то хорошие, но вот в середине осени, не спросив сына, дала мама в одной самой популярной на базаре газете бесплатное объявление о продаже того "Петрова".

На объяву никто не отзывался три месяца. Подчеркнём, это важно: целых три месяца.

И лишь в конце января вдруг нашлась покупательница. Это оказалась настоящая золотая дама, из первых лиц нашего жгучего бытия.

Без сомнения, в её силах купить и полсотни таких пианино; но она почему-то выбрала именно это. Трижды звонила, дважды приезжала. Сей момент тоже важен.

Мама вяло упиралась: ей уже то ли хотелось продать инструмент сына, то ли не хотелось. Дама вежливо уговаривала, и не случайно: её настройщик, тоже освидетельствовавший пианино, сказал, что оно замечательное.

Заметьте: не заявил, мол, рухлядь, что потом можно было бы расценить как ввод в заблуждение, а — замечательное!

— Завтра забираю, позже не могу, работа, командировки, — решительно сказала дама. — Заплачу, сколько просите.

Мама говорит, что эти сутки она провела в растерянности, даже не догадалась позвонить в музыкальный магазин, и лишь в

последние минуты ещё раз заглянула в паспорт пианино с ценной "1400 р".

Представляю, как она прикидывала: "в то время рубль был больше доллара, значит, тогда пианино стоило около двух тысяч зелёных. Ну правильно, я и сейчас столько прошу, оно же до сих пор замечательное".

Не знаю, каким инженером она в своё время была, может даже руководящим — но логика её как у истинного кандидата в сопроматы: вектор силы и крутящий момент остаются неизменны, хрустящий рупь и звенящий цент неразмненны...

В общем, занятой поведения не представить.

— Почему же вы сыну не сообщили?

— У него в тот день сотовый сломался...

Ах да, гендиректор-то бедный. Отчего она целых сто дней не заикалась сыну о своей затее, я уже и спрашивать не стал. Она полностью признала свою вселенскую глупость, мямлила что-то про грядущие операции у мужа и того же сына, потом вдруг про то, нет ли у меня высокого знакомого, который мог бы прищучить ту даму...

С какой стати щучить? Дама приехала с грузчиками, деньги маме уплатила тут же: пятьдесят семь тысяч в рублях, или две тысячи в долларах.

Наедине, без всякого тягостного оформления, даже без расписки, поскольку мама всего этого и не желала. Она была вообще-то довольна, а уж дама тем более.

Сын пришёл этим же вечером, удивлённо глянул на пустую стенку:

— Где пианино?

— Сегодня продала.

— Моё пианино? Прогнала? За сколько?

— Аж за две тысячи долларов...

Если у них до этого не было ссоры (в чём сильно сомневаюсь, потому что только затяжной конфликт может объяснить столь тайную подготовку такого сюрприза для сына), то сейчас произошла всем ссорам ссора.

— Ты не мать, ты мачеха! — в шоке орал сын (цитирую по письму мамы). — Ты меня оставила ни с чем! Это пианино стоит не две, а шесть тысяч!

Думаю, никто из читателей не хотел бы оказаться на их месте. И смеяться погодите. Мы все успешно презираем золото, если знаем, что его у нас никогда не будет. А вдруг мелькнёт оно в наших руках, полной горстью, и потом мгновенно сгинет по нашей же оплошности — вот тогда, боюсь, чуть не у каждого из нас поедет крыша.

Великую стойкость души надо иметь, чтоб спокойно сказать:

"бог дал, бог взял". Не вина сына, что он невелик, что он как все. Крики его понятны — сто пятнадцать тысяч рублей ушло! Редчайшую выдержку надо иметь, чтоб во имя материнского здоровья промолчать при этой весте.

Нет, сын сказал:

— Пока не вернёшь инструмент на место, ко мне не подходи и не звони.

И у мамы, естественно, поехала её слабая старческая крыша. В тот же час позвонила она даме, запинаясь, передала разговор с сыном. Дама ответила:

— Плохо вы его воспитывали. Но вернуть пианино согласилась!!

А через пять часов сама перезвонила и сообщила, что муж уже подарил пианино внучке, и попросила, чтобы мама её больше не беспокоила.

Случилось всё это четвёртого февраля, а уже восьмого мама, взволнованная пятидесятивосьмилетняя женщина, была у нас в редакции.

Вручила своё письмо-просьбу вернуть (!) пианино; вернее, дала копию этого письма, причём безадресного — значит, заготовила его для всех возможных инстанций: юридических, властных и ещё неведомо каких.

— Семья рушится, сына теряю... — повторяла потерянно.

— Да успокоится ваш сын, — утешали мы. — Он же нормаль-

ный человек, попереживает и через неделю остынет, придёт, это же не вопрос жизни и смерти.

— Нет, мне надо, надо вернуть пианино. Эта дама, она же поймёт, у неё же совесть должна быть...

Что, совесть? У нынешних богатых и деловых?

Совесть! Совесть...

Звоню друзьям, профессиональным пианистам, спрашиваю:

— Неужто этот инструмент так много стоит?

— Да, в московских магазинах за нового "Петрова" сейчас требуют семь тысяч долларов.

Выходит, чётко знал сын цену. А золотая дама знала ещё чётче...

Но убейте: не могу звать к её совести. Не могу, и всё.

Если на улице какой-нибудь заторможенный олух предложит мне, допустим, дореволюционный трёхтомный "Дневник писателя" Достоевского за сотню рублей — куплю не глядя и не скажу, что этот редчайший, до сих пор не переизданный фолиант (за иные выдержки из него нынче свободно могут приклепать статью) стоит тысячи.

Вот не скажу, понимаете? Потому что для меня тысяча — как для той дамы сто тысяч. И потому что никто этого самодельного торговца не заставлял продавать тот раритет по такой глупой цене.

А с другой стороны, я этот трёхтомник, возможно, когда-нибудь подарю лучшему другу-поэту в порыве хмельной нежности; и наутро он мне его не отдаст, даже стань я перед ним на колени. Впрочем, и не стану, разве что похмельки сурово потребую.

Так что не получается у меня статья "на тему морали" и на тему "плакала-плакала".

Просто старательно выполнил приказ руководства, а без него и не брался бы вовсе за эту историю.

Ведь тут надо год выискивать: как мама относится к деньгам, как сын относится к деньгам, как оба они относятся к деньгам друг друга; это очень скучно — а пианино вообще может оказаться ни при чём.

— Нет, публикация не будет никаким вам документальным подспорьем, — сказали мы маме. — Публикация просто послужит уроком другим.

Она несколько разочарованно поблагодарила.

...Впрочем, шанс у мамы есть. Если она и впрямь начнёт обивать высокие пороги, то золотая дама, глядящая, и вернёт инструмент, без лишнего шума. Хотя она, кажется, во всём права, но не тот у неё калибр, чтоб светиться в столь мелкой разборке; репутации дорожке.

Однако мама с сыном пусть хорошенько подумают. Они потом могут годами искать нового хозяина своему сокровищу. Дама с её двумя тысячами "зелёных" — не самый худший вариант. В нашем разумном городке вряд ли сразу найдётся охотник отвалить втрое большую сумму за громоздкую музыкальную хреновину.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Фото Вячеслава МИТРОХИНА.